

—

Император задал вопрос, на который нужно было ответить, даже если он был смертельно опасен.

Сяо Шань не только ответил, но и ответил так, будто это было само собой разумеющимся: «Если отец-император велит мне идти, я пойду».

Император: «...»

Сяо Цзинь: «...» Эти слова были настолько противоречивы, что звучали даже немного дерзко.

Император молчал, а Сяо Жун, у которого волосы встали дыбом от гнева, был полон насмешек. Он холодно усмехнулся: «Что, неужели слова третьего брата касались только меня? Я, если округлить, брат этого Лю Цзинсюаня, а третий брат сам не такой? Или в сердце третьего брата отношения между мной и наследным принцем ближе, чем между ним и наследным принцем?»

Сяо Шань не двинул зрачком, глядя широко раскрытыми глазами и говоря чушь: «Что говорит старший брат? Мы все братья, и в наших жилах течёт кровь отца-императора. Нет такого понятия, кто с кем ближе. Я только что имел в виду, что отец-император — государь, а я — подданный. То, что приказывает отец-император, даже если это противоречит моим убеждениям, я должен выполнить. Даже если это будет чрезвычайно трудно, я должен это сделать. Это называется разделять заботы государя».

Сяо Жун так и хотел, чтобы его взгляд превратился в острые ножи, которые один за другим вонзились бы в лицо Сяо Шаня, чтобы он стал немым.

Его грудь вздымалась от гнева и сарказма, он сказал: «Раз ты всё ещё знаешь, что отец-император — государь и нужно разделять его заботы, то почему ты только что выпалил, что я не могу пойти? В глазах третьего брата я, старший брат, не могу разделять заботы государя?»

Сяо Шань с невинным видом развёл руками: «Старший брат, я просто так сказал отцу-императору то, что думаю. Если тебе это не нравится, ты можешь спокойно возразить или не слушать. Я просто говорю, чтобы удовлетворить свою потребность выговориться, ведь в конечном итоге решение принимает отец-император. Тебе совсем не обязательно злиться на меня из-за этого».

«Ты...» У Сяо Жуня в груди бурлила кровь, и он чуть не выплюнул её от обиды. Он хотел подойти и ударить Сяо Шаня по лицу пару раз, чтобы разбить ему рот, чтобы он больше никогда не смог говорить.

Император: «...»

Холодно наблюдая за происходящим. Если бы он действительно захотел что-то сказать, он мог бы лишь сказать, что Сяо Шань был слишком бесстыдным.

Все хорошие и плохие слова исходили от него самого.

Сяо Жун чуть не заплакал от гнева. Он бросился на колени перед императором и зарыдал, жалуясь: «Отец-император, слова третьего брата были крайне злонамеренны. Всем известно, что он в близких отношениях с наследным принцем. Осмелится ли он сказать, что в деле Лю Цзинсюаня у него не будет ни малейшей предвзятости? Ваш покорный сын считает, что для расследования дела следует отправить человека с беспристрастным сердцем».

Император ещё не заговорил, как Сяо Шань тихо пробормотал: «Конечно, осмелюсь, я даже могу поклясться перед отцом-императором. Мы, братья, просто поссорились и обменялись словами, это обычное дело. Старший брат, ты не только жалуешься отцу-императору, но и говоришь так серьёзно, будто я совершил что-то непростительное. Уже взрослые люди, неужели нельзя быть более зрелыми?»

Хотя это было сказано тихо, все присутствующие слышали это очень чётко.

Император: «...»

Сяо Жун: «...» Ему хотелось прямо сейчас выругаться в лицо Сяо Шаню.

Сяо Цзинь: «...»

Сяо Цзинь кашлянул, взглянул на Сяо Шаня и сказал: «Третий брат, перед отцом-императором нельзя терять достоинства».

Сяо Шань скривил рот, всем своим видом показывая, что он ни в чём не был недостоин.

В конце концов, император остановил братьев от дальнейших разговоров, главным образом Сяо Шаня.

Услышав, как он упомянул клятву, император невольно вспомнил сцену, когда тот клялся своими восемнадцатью поколениями предков.

При мысли об этой сцене императору захотелось пнуть Сяо Шаня.

Император заговорил, его голос был глубок: «Достаточно».

И трое замолчали, шесть глаз смотрели на него.

Император словно снова увидел сцену после того, как они втроём дрались в детстве, они смотрели на него наивными глазами, ожидая решения. Он не ожидал, что спустя столько лет снова испытает то же неприятное чувство, что и в молодости.

Император сказал: «Наследный принц, встань».

Сяо Цзинь сказал «Спасибо, отец-император», поклонился ему и только тогда встал.

Император посмотрел на них и сказал: «Я не хочу слушать ваши пустые разговоры, я просто хочу спросить вас, кто подходит для того, чтобы отправиться в Лянчжоу для расследования этого дела».

Сяо Цзинь не стал говорить, так как ему было неудобно.

Сяо Жун сердито взглянул на Сяо Шаня и сказал: «Полагаю, у отца-императора уже есть решение, ваш покорный сын слушает отца-императора».

Сяо Шань тут же быстро сказал: «Отец-император, если вы велите мне идти, я пойду. Если нет, я вернусь в поместье отдохнуть».

Император взглянул на Сяо Шаня: «Я думал, ты не любишь брать на себя такие дела».

Выражение лица Сяо Шаня наконец стало немного серьёзным. Он торжественно сказал: «Ваш покорный сын думает так: если этот Лю Цзин... Лю Цзинсюань, верно? Если он действительно совершил что-то нечеловеческое, ваш покорный сын первым делом сломает ему ноги за отца-императора и второго брата».

«Взяточничество, убийство с целью сокрытия... Разве каждое из этих дел не бросает тень на лицо второго брата, не позорит отца-императора? Конечно, если это не он, ваш покорный сын тоже готов поехать и присмотреть, чтобы его не оклеветали».

Почему-то император чувствовал, что те же самые слова, произнесённые Сяо Жуном, не звучали так убедительно, как произнесённые Сяо Шанем.

Возможно, потому что у Сяо Жуна были личные мотивы, а у Сяо Шаня их не было.

Император всё прекрасно понимал.

Если бы Сяо Жун действительно отправился в Лянчжоу, он бы наверняка приложил все

усилия, чтобы уничтожить сторонников Сяо Цзиня.

Теперь, из-за смерти старого господина Гу, сын Гу Сюаня, губернатор Цзяннаня Гу Инь, также вернулся в столицу, чтобы соблюсти траур. Влияние Сяо Цзиня в Цзяннане значительно ослабло. Если Сяо Жун начнёт активно действовать, влияние Сяо Цзиня в Цзяннане может сильно пострадать.

Император позволял Сяо Жуну устраивать беспорядки, но они не должны были быть слишком сильными и выходить за рамки его контроля.

Позиция императора была такова: наследный принц был один, и небольшая зависть других была понятна, но если из-за этого перейти границы, то это не только повредит братским отношениям, но и легко навредит отношениям между отцом и сыном.

Поэтому он не мог позволить Сяо Жуну одному хозяйничать в Цзяннане.

Император не принял немедленного решения, он посмотрел на троих и сказал: «Я хорошо обдумаю это дело. Наследный принц и Сяо Шань могут идти, а мне нужно поговорить с Сяо Жунем».

Сяо Шань быстро поклонился, Сяо Цзинь был более сдержан.

После их ухода император повернулся к Сяо Жуну и сказал: «У тебя есть близкие отношения с уездным магистратом Суаня Ваном Синем?»

Сяо Жун постоянно качал головой, отрицая: «В ответ отцу-императору, ваш сын и господин Ван никогда не были знакомы, о каких близких отношениях может идти речь?»

Император задумчиво сказал: «Если вы не знакомы, то странно. В этом докладе Ван Синя, казалось бы, речь идёт о Лю Цзинсюане, но на самом деле он прямо указывает на наследного принца. Как он посмел отправить доклад в твоё поместье? Как он узнал, что ты передашь доклад мне?»

Сяо Жун открыл рот, и долгое время спустя выдавил: «Отец-император, ваш сын считает, что любой в столице, даже наследный принц, получивший этот доклад, не посмеет его скрыть. Это, вероятно, просто совпадение».

Император кивнул, его тон стал ещё более глубоким: «Ещё не совсем глуп, возвращайся».

«Да», — Сяо Жун не мог понять смысла слов императора: говорил ли он, что он глуп, или же он намекал на что-то другое.

А не был ли он слишком поспешен в своих действиях сегодня, чтобы император намеренно сказал это, чтобы его отчитать? В конце концов, это всё вина Сяо Шаня. Если бы он не болтал здесь всякую ерунду, император наверняка не стал бы так его спрашивать.

Чем больше Сяо Жун думал, тем сильнее его охватывала паника. Он отчаянно хотел покинуть дворец и обсудить это дело с Гу Гуаном.

Поэтому, как только император сказал ему уйти, он тут же ушёл.

Глядя на уходящего Сяо Жуна, император некоторое время молчал, затем подозвал Чан Лэ: «Пошлите кого-нибудь проверить, есть ли какая-либо связь между Ван Синем и Гу Гуаном».

Если с Сяо Жуном нет связи, то с его тестем, Гу Гуаном, возможно, есть. В любом случае, нужно проверить, чтобы успокоиться.

Чан Лэ опустил глаза и сказал «Да», затем бесшумно удалился.

Император же сидел на троне, опустив взгляд на окровавленный доклад на императорском столе, и молчал.

—

Сяо Шань и Сяо Цзинь вышли из дворца Цяньмин и прошли довольно далеко, прежде чем Сяо Цзинь наконец вздохнул с облегчением.

Он посмотрел на Сяо Шаня и сказал: «Спасибо тебе за сегодня, иначе мне было бы очень плохо». Честно говоря, когда он увидел содержание доклада, он испугался, весь оцепенел, и на спине выступил холодный пот.

К счастью, он не сделал ничего плохого, быстро взял себя в руки и говорил довольно уместно.

Сяо Шань равнодушно сказал: «Второй брат, отец-император лучше всех знает, кто ты такой. Это не твоя вина, отец-император, даже в ярости, максимум отругал бы тебя. Не думай слишком много и не беспокойся».

Сяо Цзинь: «...»

Ругать — это не ужасно? Если император ругает наследного принца, что подумают чиновники, когда об этом узнают?

Будучи наследным принцем, он больше всего хотел спокойствия и не хотел, чтобы при дворе

возникали хоть какие-то волнения.

Сяо Шань, видя, что тот не согласен с его словами, снова вздохнул и сказал: «Второй брат, сейчас тебе следует подумать о второй невестке. Она в особом положении, и это дело связано с её родным братом. Не обижайся на мои резкие слова, но если что-то пойдёт не так, Лю Цзинсюань может лишиться головы. В такой момент, если какие-нибудь сплетни дойдут до ушей второй невестки, её волнение не принесёт ничего хорошего».

Не то чтобы ему обязательно было это говорить. Сяо Жун знал об этом деле. Если бы он не сделал это достоянием общественности, Сяо Шань считал, что он мог бы отрубить себе голову и использовать её в качестве мяча.

Сяо Цзинь: «...»

Если так подумать, то быть отруганным действительно было не так уж и плохо.

Семья Лю имела только одного сына, Лю Цзинсюаня, которого они любили и берегли как зеницу ока. Лю Цзинь тоже часто о нём вспоминала.

Просто опасались, что в такой момент кто-то из семьи Лю, потеряв рассудок, обратится за помощью к Лю Цзинь.

Представив себе эту сцену, Сяо Цзинь почувствовал, что у него начинает болеть голова. Он резко сказал: «Я немедленно вернусь во дворец и прикажу запретить упоминать об этом в её присутствии, чтобы не повлиять на её настроение».

Затем он ненадолго замолчал, дважды повернулся на месте и пробормотал: «Некоторые вещи, чем больше пытаешься скрыть, тем труднее это сделать. Даже если Восточный дворец будет как неприступная крепость, если есть кто-то с дурными намерениями, муха всё равно сможет залететь, и она рано или поздно узнает об этом. Если же она узнает об этом подстрекаемая злоумышленниками, она подумает, что я намеренно скрывал от неё, и это не только повредит нашим супружеским отношениям, но и в будущем нам будет трудно действовать сообща. Лучше сказать ей сейчас, ведь никто не знает, совершил ли Лю Цзинсюань те преступления, и, отступая на шаг...»

Отступая на десять тысяч шагов, если Лю Цзинсюань действительно совершил преступление, то до вынесения приговора ещё много времени, и Лю Цзинь уже будет готова морально, и это не повредит её здоровью и ребёнку.

Лю Цзинь была Тайцзы Фэй, и с того дня, как она вышла замуж за Восточный дворец, многие хотели её свергнуть.

В этом дворце, даже если император издаст запрет, трудно гарантировать полную

безопасность.

Если же Лю Цзинъи будет на поздних сроках беременности, и кто-то намеренно раскроет это дело, это, вероятно, нанесёт ей ещё больший удар. Лучше уж сейчас решиться и рассказать ей. Если Лю Цзинъи сможет понять, то в будущем будет легче остерегаться тех, кто имеет дурные намерения.

Сяо Шань, услышав его слова, кашлянул: «Если второй брат примет такое решение, ему нужно будет пригласить императорского лекаря дежурить в Восточном дворце». Если Лю Цзинъи разволнуется, это будет нехорошо для её здоровья.

Услышав напоминание, Сяо Цзинь сказал Сяо Шаню: «Я немедленно пошлю человека пригласить лекаря Су». Лишних слов он не говорил, между ним и Сяо Шанем не было нужды в таких пустых вещах.

Сяо Шань: «Второй брат, иди занимайся делами, а я выйду из дворца».

Сяо Цзинь попросил Чанъаня проводить его из дворца, а сам лично пошёл за лекарем Су.

Приведя лекаря Су в Восточный дворец, Сяо Цзинь отправился во внутренний двор к Лю Цзинъи.

Он посмотрел на ничего не подозревающую Лю Цзинъи, его выражение лица было немного серьёзным: «Мне нужно кое-что сказать тебе. Я не хочу, чтобы ты была потрясена этим, но ещё больше не хочу, чтобы ты вдруг услышала об этом от других в будущем».

Лю Цзинъи, испуганная его тоном и выражением лица, поспешно сказала: «Ваше Высочество наследный принц, пожалуйста, говорите».

Сяо Цзинь глубоко вздохнул, а затем рассказал о Лю Цзинсюане.

Ещё до того, как он закончил говорить, лицо Лю Цзинъи мгновенно побледнело, она обхватила руками живот, и её поясница слегка согнулась.

Сяо Цзинь, поддерживая её, помогал ей лечь на кровать, одновременно приказав позвать лекаря Су.

Лекарь Су был по соседству и быстро пришёл.

Лекарь Су поспешно прощупал пульс Лю Цзинъи, убедившись, что это связано с беспокойством во время беременности, он использовал иглы, а затем пошёл в соседнюю комнату, чтобы выписать лекарство.

Тем временем слезы текли ручьём, она дрожащим голосом схватила Сяо Цзиня за руку и сказала: «Ваше Высочество, невозможно, мой брат никогда не совершил бы такого».

Сяо Цзинь сжал её руку и глубоким голосом сказал: «Правда или нет, отец-император прикажет выяснить».

Лю Цзиньи хотела что-то ещё сказать, но Сяо Цзинь сказал: «Знаешь, почему я сказал тебе это, хотя знаю, что ты, возможно, сейчас не выдержишь?»

Лю Цзиньи нерешительно покачала головой.

Сяо Цзинь с неопределённым выражением лица тихо сказал: «Если бы я не сказал, а когда ты была бы на более позднем сроке, другие вдруг рассказали бы тебе, смогла бы ты это принять?»

Лю Цзиньи промолчала, подумав, что, вероятно, не смогла бы принять.

Сяо Цзинь снова сказал: «Что если бы тогда ты не смогла принять, и что-то случилось бы с твоим телом и ребёнком?»

Если бы внук, которого так ждали император, императрица и даже сама Лю Цзиньи, так вот пропал, никто не мог сказать, что бы тогда произошло.

«Когда ты Тайцзы Фэй, ты можешь делать многое, включая защиту своей семьи. Но что, если ты не Тайцзы Фэй? Сколько людей ждут этого дня, и сколько людей не хотят, чтобы этот ребёнок родился».

«Ты ни в коем случае не должна попасть в ловушку других из-за этого дела. Более того, сейчас ничего не решено, отец-император пошлёт людей для расследования, тебе просто нужно знать об этом».

Лю Цзиньи не была душой и быстро поняла подтекст слов Сяо Цзиня.

Если она в порядке, то и семья Лю в порядке. Даже если с семьёй Лю что-то случится, пока она Тайцзы Фэй, у семьи Лю всегда будет шанс подняться.

Всё это при условии, что она бережёт своё тело и ребёнка.

Это был прямой потомок императора, имеющий особое значение.

Поняв это, Лю Цзиньи выдохнула и сказала: «Ваша супруга поняла. Ваша супруга будет хорошо пить лекарства и не поддастся на уговоры».

В будущем тот, кто намеренно будет упоминать об этом в её присутствии, будет шпионом.

Услышав это, Сяо Цзинь сжал её руку.

Через некоторое время Сяо Цзинь вышел во внешнюю комнату. Лекарь Су уже выписал рецепт и дал ему указания, как заваривать лекарство.

Сяо Цзинь спросил его о состоянии здоровья Лю Цзиньи, лекарь Су ответил: «Тело Тайцзы Фэй крепкое, сегодня она просто ненадолго разволновалась, это несерьёзно, немного покоя в течение нескольких дней, и всё будет в порядке».

Только в этот момент Сяо Цзинь по-настоящему вздохнул с облегчением.

Пока Лю Цзиньи будет держаться, его задний двор Восточного дворца будет в порядке.

—

Тем временем Сяо Шань вернулся в княжеское поместье и рассказал Се Чжую о произошедшем во дворце.

Се Чжуй, выслушав, сказал: «Полагаю, Ваше Высочество ещё тогда во дворце уже решил отправиться в Лянчжоу».

У императора было такое намерение, и у Сяо Шаня тоже была такая мысль. В той ситуации он не хотел проигрывать, поэтому заодно посмеялся над князем Жуюем, который хотел устроить проблемы, и одновременно постарался развеять подозрения императора относительно наследного принца.

Император доверял наследного принцу, но это не означало, что император не сомневался в нем.

Если Лю Цзинсюань действительно занимался взяточничеством и совершил убийство, чтобы заставить свидетелей замолчать, то куда делись присвоенные им деньги, и кто дал ему смелость совершить убийство?

Представив риски, скрытые в каждом слове, Се Чжуй невольно вздрогнул.

Сяо Шань вздохнул и сказал: «Честно говоря, если бы это касалось кого-то другого, мне бы было лень этим заниматься. Но в такой момент, если я не появлюсь, кто ещё сможет помочь второму брату? Цзяннань слишком далеко от столицы, это богатый край, ситуация там довольно сложная, и вода тоже мутная. Немногие чиновники там могут выйти сухими из воды».

Много желающих бросить камень в голову Сяо Цзиня, но мало желающих вытащить его из ямы.

Сказав это, Сяо Шань вдруг почувствовал, как у него обмякли кости. Он больше всего ненавидел эти хлопоты, и при мысли об этом у него начинала болеть голова.

Сяо Шань, опустив голову на стол, глухо пробормотал, подпирая подбородок: «Тогда второй брат обязательно должен защитить меня, чтобы я был самой беззаботной и праздной соленой рыбой во всей Великой Чжоу».

Он говорил это немного невнятно, и Се Чжуй услышал только «второй брат» и «соленая рыба».

Се Чжуй моргнул, не понимая, как Сяо Шань связал наследного принца и соленую рыбу.

В этот момент Сяо Шань снова выпрямился, поднял голову, его глаза горели: «Се Чжуй, ты бывал в Цзяннани?»

Сердце Се Чжуйя резко ёкнуло, он медленно покачал головой: «Не бывал». В детстве он с отцом отправился на границу, слышал о Цзяннани, но никогда там не был.

Сяо Шань хлопнул в ладоши: «Я... я тоже никогда не был, на этот раз я возьму тебя с собой, чтобы хорошенько посмотреть на пейзажи Цзяннани».

Се Чжуй успокоился: «Если Ваше Высочество едет в Цзяннань для расследования дела, не будет ли неуместным, если я поеду с вами?»

«Что в этом плохого? Мы с тобой муж и жена, одно целое. Куда бы я ни пошёл, я, естественно, возьму тебя с собой».

К тому же, расследование расследованием, это нисколько не мешает прогулкам и развлечениям.

Он собирался взять Се Чжуйя в поездку за счёт государства.

—